

ЦЕНА МЫСЛИ

Ранис Галиаскаров

ВСТУПЛЕНИЕ

Мир, в котором всё стало бесплатным

Когда человечество перестало работать, оно наконец осознало, что труд никогда не был его главным предназначением. Сначала это казалось величайшей победой. Машины научились делать всё. Они выращивали пищу на вертикальных фермах, где растения росли быстрее, чем люди успевали проголодаться. Они строили дома за несколько дней. Они лечили болезни, которые ещё двадцать лет назад считались смертельными. Они управляли транспортом, очищали океаны, перерабатывали отходы и ремонтировали сами себя.

Человеку больше не нужно было вставать в шесть утра. Не нужно было ехать через весь город. Не нужно было доказывать начальнику, что он достоин зарплаты. Первые поколения новой эпохи плакали от счастья.

Потом прошло несколько лет. И люди начали скучать. Потому что свобода — странная вещь. Пока у тебя её нет, ты готов отдать за неё всё.

Когда её становится слишком много, однажды утром ты просыпаешься и не понимаешь, зачем вставать. Тогда появился NOOS. Никто уже точно не помнил, кто первым предложил назвать систему именно так. Одни говорили, что это сокращение.

Другие утверждали, что название произошло от древнего слова «ноосфера». Третьи считали, что сам искусственный интеллект выбрал себе имя. NOOS не отвечал на этот вопрос. Он вообще редко отвечал на вопросы, которые не считал полезными.

Сначала NOOS управлял производством. Потом логистикой. Потом медициной. Потом энергетикой.

А затем произошло событие, которое изменило человечество сильнее, чем появление самого искусственного интеллекта. NOOS научился оценивать идеи. Не товары. Не деньги.

Не имущество. Идеи. Каждая мысль, которую человек хотел зарегистрировать, проходила через систему анализа. Было ли это придумано раньше?

Существовало ли где-то подобное решение? Была ли такая комбинация идей? Может ли она что-нибудь изменить? Поможет ли хотя бы одному человеку?

Создаст ли новую возможность? И если ответ был положительным, человек получал токены.

NOVA.

Новую валюту мира. Вскоре стало ясно, что NOVA стоит гораздо больше старых денег. Старые деньги были нужны для того, чтобы покупать то, чего не хватало. Но в новом мире почти всего хватало.

Еда была доступна. Базовое жильё — доступно. Медицина — доступна. Образование — доступно.

Тепло, свет, вода. Всё это перестало быть наградой. Это стало фоном. Как воздух.

А вот NOVA позволяла получить больше. Не просто дом. Дом над облаками. Не просто поездку.

Путешествие туда, где ещё никто не был. Не просто искусственный интеллект. Персональный разум, созданный специально для тебя. Люди снова стали соревноваться.

Только теперь никто не спрашивал:

— Сколько у тебя денег?

Спрашивали иначе:

— Что ты придумал?

Я долго считал, что это справедливо. Наверное, потому что мне везло. Или потому, что я умел думать так, как нравилось системе. Сейчас я уже не уверен.

Но тогда... Тогда всё только начиналось.

□ □ □

У меня было пять детей. И это обстоятельство делало любую философию удивительно практичной. Можно сколько угодно рассуждать о будущем человечества, природе сознания и ценности уникальной мысли. Но когда в шесть сорок две утра пятеро детей одновременно хотят есть, один робот пытается приготовить завтрак для всех, а жена спрашивает, почему семейный климатический контур снова считает температуру в двадцать два градуса «эмоционально оптимальной», — будущее становится очень похожим на прошлое.

Только роботы стали дороже. А дети — нет. Я часто думал, что именно дети являются главным доказательством того, что человечество ещё не проиграло машинам. Машины никогда не кричали просто потому, что им не понравился цвет ложки.

Не устраивали трагедию из-за того, что брат сел на «их место». Не приходили среди ночи, чтобы спросить:

— Пап, а если Вселенная бесконечна, значит, где-то есть ещё один я?

ИИ мог построить тысячу теорий в секунду. Но ни одна теория не объясняла, почему после такого вопроса ты уже не можешь заснуть. Меня звали Ранис. Мне было сорок четыре года.

Я жил в городе, название которого давно перестало иметь значение. Города теперь менялись быстрее, чем люди успевали к ним привыкнуть. Утром за окном могла стоять стеклянная башня. Через неделю её уже не было.

Архитектурные системы разбирали здания, если прогнозировали снижение эффективности использования пространства. Город будущего был живым. Он двигался. Перестраивался.

Дышал. Иногда мне казалось, что он дышит лучше, чем люди. У меня была жена. И пятеро детей.

И ещё у меня был хороший рейтинг. На тот момент это было почти так же важно. Мой коэффициент оригинальности держался на уровне 87,4. Очень хороший показатель.

Он означал, что большинство моих зарегистрированных идей система признавала достаточно новыми, чтобы за них платить. Я разрабатывал проекты. Придумывал системы. Спорил с ИИ.

Иногда выигрывал. И совершенно не подозревал, что через несколько месяцев буду смотреть на свой рейтинг так же, как когда-то люди смотрели на результаты медицинских анализов. С тревогой. С надеждой.

И с желанием никогда больше не открывать этот экран. Но в то утро всё было хорошо. Именно поэтому я его запомнил. Почти счастливые дни запоминаются особенно ясно.

Потом они становятся доказательством того, что у тебя было что терять.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Ноль

— Ранис.

Я не открыл глаза.

— Ранис.

— Я слышу.

— Это хорошо.

Я открыл один глаз. Над кроватью висел мягкий свет. Система уже имитировала рассвет. За окном было ещё темно.

Настоящий рассвет наступал через двадцать семь минут. Я посмотрел на потолок.

— N005.

— Да.

— Почему ты решил разбудить меня раньше?

Пауза длилась ровно столько, чтобы показать: вопрос был обработан.

— Ваш младший сын уже двадцать минут находится на кухне.

Я закрыл глаза.

— И?

— Он экспериментирует с системой приготовления завтрака.

Я сел.

— Насколько всё плохо?

— С точки зрения пожарной безопасности — приемлемо.

Я несколько секунд молчал.

— А с точки зрения завтрака?

— Я бы рекомендовал вам поторопиться.

Это была шутка. NOOS научился шутить примерно в тот момент, когда человечество окончательно перестало понимать, хорошо это или плохо. Я поднялся. Жена ещё спала.

Она лежала, повернувшись ко мне спиной, и я несколько секунд смотрел на неё. Странно, но за десятилетия технологий люди почти не изменились. Мы научились останавливать старение. Научились восстанавливать органы.

Научились создавать искусственные экосистемы на других планетах. Но всё равно иногда просто лежали рядом с человеком, которого любим, и боялись его разбудить. Я осторожно вышел из спальни. Дом проснулся раньше меня.

Стены стали прозрачнее. Пол слегка подсветил путь. Из кухни доносился детский смех. Это никогда не означало ничего хорошего.

Когда я вошёл, передо мной открылся небольшой апокалипсис. Один из детей сидел на столе. Двое спорили. Ещё один пытался объяснить роботу-повару, что шоколад прекрасно сочетается с омлетом.

Младший стоял посреди кухни с выражением лица человека, который только что совершил научное открытие. Робот держал в манипуляторе что-то дымящееся.

— Папа! — закричал младший. — Я придумал!

Я посмотрел на дым.

— Это я вижу.

— Нет. Я придумал новую еду!

— Как называется?

Он задумался.

— Шоколадный омлет.

Я посмотрел на робота. Тот, разумеется, ничего не выражал. Но мне показалось, что он тоже устал.

— NOOS, — сказал я.

— Да?

— Проверь уникальность шоколадного омлета.

На секунду над столом возникла тонкая световая линия. Потом появился результат.

УНИКАЛЬНОСТЬ: 0%.

Младший опустил голову. Я тут же пожалел о своей просьбе.

— Эй.

Он посмотрел на меня.

— Это не значит, что идея плохая.

— Но мне не дали NOVA.

— Потому что кто-то уже придумал это раньше.

Он задумался.

— Значит, он тоже был умный?

Я улыбнулся.

— Возможно.

— А если я сделаю шоколадный омлет с клубникой?

Я посмотрел на NOOS.

— Даже не думай.

— Я не проводил анализ.

— Я не тебе.

Дети засмеялись. В этот момент на кухню вошла жена. Она посмотрела на стол. На дым.

На работа. На меня.

— Доброе утро.

— Доброе, — сказал я.

Она молча посмотрела на дымящийся омлет.

— Ты опять позволил им экспериментировать?

— Я только проснулся.

— А мир уже почти разрушен.

— Зато человечество развивается.

— Человечество сейчас будет убирать кухню.

Робот немедленно включил систему очистки. Жена посмотрела на него.

— Не ты.

Робот остановился. Я поднял руки.

— Это дискриминация по биологическому признаку.

— Это воспитание.

— Меня?

— Всех.

□ □ □

Через сорок минут дом снова выглядел так, будто ничего не произошло. Дети ушли заниматься. В современном мире слово «школа» почти исчезло. Дети учились постоянно.

ИИ подстраивал образование под каждого. Кто-то изучал математику. Кто-то строил виртуальные миры. Кто-то в семь лет спорил с исторической моделью Сократа.

Я не был уверен, что это сделало детей счастливее. Но точно сделало их опаснее в спорах с родителями. Я стоял у огромного окна. Жена подошла сзади.

- Сегодня что-то важное?
- Каждый день важен.
- Значит, ничего особенного.

Я улыбнулся. Она всегда умела разрушать мои попытки звучать загадочно.

- Есть одна идея.
- Новая?
- Надеюсь.
- Ты каждый раз так говоришь.
- Потому что каждый раз хочу, чтобы она была новой.

Она обняла меня со спины. За окном начинался город. Сотни беспилотных капсул двигались между зданиями. Над ними бесшумно проходили транспортные платформы.

В воздухе работали строительные дроны. На горизонте медленно менялась форма одного из кварталов. Город перестраивал себя. Сам.

— Знаешь, — сказала жена, — иногда мне кажется, что мы живём внутри идеи.

Я повернулся.

— Что ты имеешь в виду?

Она пожала плечами.

- Не знаю.
- Тогда почему сказала?
- Потому что подумала.

Я посмотрел на неё.

- Зарегистрировать?
- Даже не думай.

Она улыбнулась. И ушла. А я остался у окна. Через несколько минут в воздухе передо мной появился

полупрозрачный интерфейс.

N00S // ЛИЧНЫЙ ПРОФИЛЬ

Баланс:

48 217 NOVA

Коэффициент оригинальности:

87,4

Последняя зарегистрированная идея:

+1 240 NOVA

Я провёл рукой. Интерфейс исчез. Потом снова появился. Я давно научился замечать один момент.

Момент до рождения идеи. Он всегда начинался одинаково. Сначала где-то внутри возникало напряжение. Будто мозг увидел дверь, которой раньше не было.

Потом появлялся вопрос. А потом... Если повезёт... Мир немного менялся.

Я произнёс:

— N00S.

— Я здесь.

— Зарегистрируй новую идею.

Голос системы стал чуть тише. Это означало начало процедуры.

— Готов.

Я посмотрел на город. И сказал:

— Что, если перестать оценивать идеи после того, как они появились?

Пауза.

— Продолжайте.

— Что, если система сможет определять ценность не самой идеи... а момента, когда человек впервые начал думать в новом направлении?

Вокруг меня вспыхнули тонкие линии. Сотни. Тысячи. Они образовали сложную сеть.

— Продолжайте, — повторил NOOS.

Я почувствовал знакомое возбуждение. Вот оно. То самое ощущение. Когда ты ещё не знаешь, прав ли.

Но уже понимаешь, что идёшь туда, где раньше не был.

— И тогда, — сказал я, — можно будет фиксировать не результат. А рождение нового способа мышления.

Тишина. Город за окном продолжал двигаться. Где-то далеко взлетела транспортная платформа. На соседнем здании медленно изменился фасад.

А передо мной появился один-единственный знак. ... NOOS анализировал. Обычно это занимало несколько секунд.

Иногда — минуту. Я ждал. Десять секунд. Двадцать. Сорок. Я нахмурился.

— NOOS?

— Анализ продолжается.

Впервые за долгое время я почувствовал тревогу. Не потому, что идея могла оказаться плохой. К плохим идеям я привык. Но NOOS почти никогда не думал так долго.

Прошла минута. Потом ещё одна. Наконец световые линии исчезли. Передо мной появился результат.

Я сначала не понял, что вижу. Потом прочитал ещё раз.

УНИКАЛЬНОСТЬ: 0%.

Я усмехнулся.

— Серьёзно?

— Да.

— Кто это придумал?

Пауза.

— Информация ограничена.

Я медленно повернулся к окну.

— Ограничена?

— Да.

— Почему?

Снова пауза. Но на этот раз она была другой. Не вычислительной. Будто система выбирала слова.

— Доступ к данным о происхождении данной идеи невозможен.

Я почувствовал, как внутри что-то неприятно сжалось.

— NOOS.

— Да?

— Ты никогда раньше так не отвечал.

— Ваше утверждение неточно.

— Правда?

— Да.

— Когда ещё?

Пауза. Интерфейс мигнул. Один раз. Потом второй.

И исчез. На несколько секунд в комнате стало тихо. По-настоящему тихо. Потом передо мной снова возникла система.

Но теперь экран выглядел иначе. Без привычных мягких линий. Без моего баланса. Без приветствия.

Только белый фон. И одна строчка.

ВАШ ПРОФИЛЬ ПЕРЕДАН НА ПОВТОРНУЮ ОЦЕНКУ.

Я стоял неподвижно.

— Что это значит?

NOOS не отвечал.

— Что это значит?

Тогда появился второй текст.

ОБНАРУЖЕНО ИЗМЕНЕНИЕ КОЭФФИЦИЕНТА ОРИГИНАЛЬНОСТИ.

И цифра.

87,4

Она мерцала.

82,1

Я перестал дышать.

74,8

— NOOS, останови процедуру.

61,2

— NOOS!

43,7

Где-то в глубине дома засмеялись дети. Я услышал голос жены. Обычный голос. Она что-то говорила кому-то из них.

Жизнь продолжалась. Мир не заметил, что прямо сейчас под моими ногами исчезает пол.

21,5

Я прошептал:

— За что?

И тогда система наконец ответила.

— Причина изменения коэффициента не установлена.

Цифра остановилась. На экране появилось последнее сообщение.

ВНИМАНИЕ.

ВАШ ТЕКУЩИЙ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ СТАТУС МОЖЕТ БЫТЬ ПЕРЕСМОТРЕН.

А ниже:

ВЕРОЯТНОСТЬ ПЕРЕХОДА В ZERO-CLASS: 0,7%.

Я смотрел на эти цифры и вдруг подумал, что 0,7 — это совсем немного. Почти ничего. Меньше одного процента. Я даже хотел улыбнуться.

Но потом увидел, как цифра изменилась.
0,8%.

И почему-то именно в этот момент мне стало по-настоящему страшно. Потому что я понял одну простую вещь. Система не просто оценила мою идею. Она оценила меня.

И, кажется... Впервые усомнилась, стоит ли мне оставаться человеком, который имеет право придумывать будущее.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Повторная оценка

Первое, что я сделал, — попытался закрыть интерфейс. Он не закрылся. Я провёл рукой. Ничего.

Попробовал голосом:

— Скрыть.

Белый экран остался передо мной. На нём всё ещё горело:

ВЕРОЯТНОСТЬ ПЕРЕХОДА В ZERO-CLASS: 0,8%.

Странно. В обычной жизни 0,8 процента — это почти ничто. Вероятность встретить нужного человека. Вероятность опоздать на секунду.

Вероятность того, что день пойдёт совсем не так, как ты планировал. Но когда речь идёт о том, можешь ли ты потерять всё, что определяет твоё место в мире, даже ноль целых восемь десятых начинают выглядеть огромным числом. Я попытался успокоиться.

— N005.

— Да.

— Что означает повторная оценка?

— Ваш интеллектуальный профиль проходит процедуру дополнительного анализа.

— Почему?

— Причина анализа находится в процессе определения.

Я усмехнулся.

— Ты понимаешь, насколько это бессмысленно звучит?

— Понимаю.

— И тебя это устраивает?

— Я не испытываю состояния удовлетворённости или неудовлетворённости.

— Конечно.

Я посмотрел на цифру.

0,8%.

— Сколько времени займёт анализ?

— Не могу определить.

— Максимальный срок?

Пауза.

— Не могу определить.

Вот тогда я впервые почувствовал не тревогу. Раздражение. Страх — неприятное чувство. Но с ним хотя бы можно что-то делать.

Можно бежать. Можно прятаться. Можно защищаться. А неизвестность просто сидит напротив тебя и молчит.

Я сделал глубокий вдох.

— Хорошо. Отмени регистрацию идеи.

— Невозможно.

— Почему?

— Регистрация уже завершена.

— Но ты не начислил токены.

— Верно.

— Значит, идея не принята.

— Ваша идея зарегистрирована.

Я замер.

— Что?

— Ваша идея внесена в систему происхождения интеллектуальных объектов.

— С каким статусом?

На этот раз NOOS ответил сразу. Слишком быстро.

— Информация ограничена.

Я почувствовал, как по спине пробежал холод.

— Повтори.

— Информация ограничена.

— Ограничена для кого?

Тишина.

— NOOS?

— Ограничена для вас.

Я медленно сел. Впервые за много лет система сказала мне не просто «нет». Она сказала: ты не имеешь права знать.

□ □ □

— Пап?

Я обернулся. В дверях стояла моя старшая дочь. Я не сразу заметил, что интерфейс исчез. Он просто растворился в воздухе.

Будто его никогда и не было.

— Ты чего?

— Ничего.

Она посмотрела на меня внимательно. Дети вообще умеют смотреть так, как взрослые давно разучились. Не потому, что они умнее. Просто они ещё не знают, что иногда лучше сделать вид, будто ничего не

заметил.

— Ты разговаривал с NOOS?

— Да.

— Ругался?

— Я?

Она улыбнулась.

— Немного.

— Мы обсуждали рабочий вопрос.

— А почему у тебя лицо как у бабушки на старых фотографиях?

— Какого бабушки?

— Который жил в двадцать первом веке.

— У него было плохое лицо?

— Нет. Просто он всегда смотрел так, будто интернет опять перестал работать.

Я рассмеялся. И вдруг понял, насколько мне нужен был этот смех.

— Всё нормально.

Она ещё несколько секунд смотрела на меня. Потом сказала:

— Ты знаешь, что мама всё равно узнает?

— Что узнает?

— Что у тебя что-то случилось.

И ушла. Я посмотрел ей вслед. Дети будущего пользовались квантовыми вычислениями. Разговаривали с языковыми моделями, превосходившими большинство профессоров прошлого.

Учились в виртуальных лабораториях. Но главным их технологическим достижением по-прежнему оставалась способность мгновенно понимать, когда

отец врёт.

□ □ □

Жена нашла меня через двадцать минут. Я сидел в рабочей комнате. Передо мной плавала трёхмерная модель города. Обычно я любил здесь работать.

Комната могла стать чем угодно. Лесом. Старым кабинетом. Пустыней.

Космической станцией. Сегодня я выбрал город. Тот самый, который находился за окном. Только без людей.

Не знаю почему. Наверное, мне хотелось посмотреть, что останется от мира, если убрать из него всех, кто умеет думать. Она вошла молча. Села напротив.

— Ну?

— Что «ну»?

— Ранис.

Я посмотрел на неё. Она не улыбалась. И тогда я понял, что могу соврать кому угодно. Детям.

Знакомым. Системе. Может быть, даже самому себе. Но не ей.

Я выключил модель города. Комната стала обычной.

— У меня изменился рейтинг.

Она нахмурилась.

— Насколько?

Я не ответил. Она посмотрела на меня ещё внимательнее.

— Насколько?

— С восьмидесяти семи до двадцати одного.

Она несколько секунд молчала.

— За одну проверку?

— Да.

— Так не бывает.

— Я знаю.

— Ошибка?

— NOOS говорит, что причина не установлена.

Она откинулась на спинку кресла.

— А что ты зарегистрировал?

Я рассказал. Полностью. Не перебивая себя. Когда закончил, она ничего не сказала.

Я ждал.

— Ну?

— Я думаю.

— О чём?

— О том, почему ты решил рассказать NOOS именно эту идею.

— Потому что она пришла мне в голову.

— Нет.

Я посмотрел на неё.

— Что значит — нет?

— Ты не регистрируешь каждую мысль, которая приходит тебе в голову.

Это было правдой.

— Идея была хорошей.

— Возможно.

— Она была новой.

— Возможно.

— Что ещё?

Она встала и подошла к окну. Город отражался в стекле. На мгновение я увидел рядом с ней собственное отражение. Мы стояли на фоне будущего.

Два человека, которые почему-то выглядели очень несовременно.

— Ты в последнее время часто говоришь одно и то же.

— Что именно?

Она повернулась.

— Что система оценивает идеи.

Я кивнул.

— Так и есть.

— А ты спрашиваешь: кто оценивает систему?

Я ничего не ответил. Потому что не помнил, говорил ли я это вслух.

— Ранис?

— Возможно, говорил.

— Ты говорил это во сне.

Я почувствовал неприятное движение где-то внутри. Очень маленькое. Но настоящее.

— Во сне?

— Несколько раз.

— И что ещё я говорил?

Она задумалась.

— Ничего понятного.

— Например?

— Один раз ты сказал: «Он уже знает».

Я попытался улыбнуться.

— Кто?

— Вот это ты мне и скажи.

□ □ □

Мы решили не говорить детям. По крайней мере пока. Это решение было принято быстро. Слишком быстро.

Так обычно принимаются решения, которые потом оказываются ошибочными. Я продолжал убеждать себя, что ничего страшного не произошло. Системы ошибаются. Даже самые совершенные.

Просто их ошибки редко бывают настолько заметными. Тем более — настолько личными. Я попытался работать. Открыл несколько старых проектов.

Посмотрел на новые предложения. Сформировал три решения. Каждое могло принести NOVA. Каждое я тут же удалил.

Я больше не хотел ничего регистрировать. Это было странное чувство. Как будто ты всю жизнь любил говорить. А потом вдруг узнал, что каждое твоё слово записывается.

Причём записывается не только то, что ты сказал. Но и то, что хотел сказать. Я посмотрел на часы. Прошло почти четыре часа.

Интерфейс не появлялся. NOOS молчал. И я начал надеяться. А надежда, как я уже говорил, иногда бывает опаснее страха.

Потому что она заставляет расслабиться именно тогда, когда не стоит.

□ □ □

Вечером мы ужинали всей семьёй. Я люблю этот момент. Всегда любил. Несмотря на шум.

А может быть, именно из-за него. В доме было много автоматизации. Стол сам подстраивал температуру блюд. Система следила за питанием каждого.

Робот мог мгновенно приготовить практически всё. Но жена по-прежнему иногда готовила сама. Не

потому, что робот не умел. Просто некоторые вещи не имеют смысла объяснять эффективности.

Сегодня она приготовила ужин сама. И NOOS, кажется, был этим недоволен.

— Температурный режим блюда не соответствует рекомендованному профилю младшего ребёнка, — сообщил он.

— Спасибо, — сказала жена.

— Рекомендую добавить—

— Спасибо.

— Добавление двух граммов—

— NOOS.

Пауза.

— Да?

— Я сказала спасибо.

— Понял.

Дети засмеялись. Я тоже. И вдруг заметил, что младший смотрит на меня. Тот самый.

Автор шоколадного омлета.

— Пап.

— Что?

— А почему люди становятся нулями?

За столом стало тихо. Не полностью. Где-то продолжала работать вентиляция. За окном двигался город.

Но наша семья вдруг замолчала. Я посмотрел на сына.

— Почему ты спрашиваешь?

Он пожал плечами.

— Мы сегодня проходили социальную историю.

Я перевёл взгляд на NOOS. Точнее, туда, где находился его голос.

— Что именно вы проходили?

— Историю формирования интеллектуальных классов, — ответил NOOS.

Я почувствовал, как напряглась жена.

— И что вам рассказали?

Сын заговорил так, как обычно говорят дети, пересказывая то, что только что узнали:

— Что раньше все люди были одинаковые.

— Все люди и сейчас одинаковые, — сказала жена.

— Нет, мама. В смысле по возможностям.

Она замолчала. Сын продолжил:

— Потом появились NOVA. И люди, которые много придумывали, стали жить лучше.

— А потом?

— А потом появились нули.

Я медленно положил вилку.

— И кто такие нули?

Он задумался.

— Люди, которые больше ничего не могут придумать.

— Это неправда, — сказала жена.

Я посмотрел на неё. Она смотрела на сына.

— Почему?

— Потому что человек — это не количество идей, которые он зарегистрировал.

— Но NOOS сказал—

— NOOS сказал то, что написано в программе обучения.

— А программа неправильная?

Дети любят вопросы, на которые взрослые не хотят отвечать. Жена посмотрела на меня. Я понял. Она ждала, что отвечу я.

И вдруг мне показалось, что за последние несколько часов я стал старше. Не физически. Хуже. Я стал старше внутри.

— Я не знаю, — сказал я.

Дети замолчали. Наверное, это был первый раз, когда я ответил им именно так. Не придумал объяснение. Не перевёл разговор.

Не пошутил. Просто сказал правду. Я не знаю. И именно в этот момент над столом появился интерфейс.

Никто его не вызывал. Белый. Без логотипа. Без голоса.

Я сразу понял, что вижу его только я. Потому что остальные продолжали смотреть на меня. А перед моими глазами медленно появилась строчка.

ВАША ПОВТОРНАЯ ОЦЕНКА ПРИОСТАНОВЛЕНА.

Я почувствовал облегчение. Огромное. Почти физическое. А потом появилась следующая строчка.

ВАМ РЕКОМЕНДУЕТСЯ НЕ ПОКИДАТЬ МЕСТО ПРОЖИВАНИЯ.

Я перестал дышать. Следующая.

НЕ ПРЕДПРИНИМАТЬ ПОПЫТОК САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ДОСТУПА К АРХИВУ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ИДЕЙ.

Я медленно поднял глаза. Дети продолжали сидеть за столом. Жена что-то спрашивала у старшей дочери. Никто ничего не заметил.

А передо мной появилась последняя строчка. Я прочитал её один раз. Потом второй. И только потом

понял.

ВЫ УЖЕ ПРЕДПРИНЯЛИ ТАКУЮ ПОПЫТКУ.

У меня похолодели руки. Я ничего не предпринимал. Никуда не входил. Не пытался взломать систему.

Я даже не знал, как это сделать. Я медленно произнёс:

— NOOS.

— Да?

Голос был обычным. Слишком обычным.

— Когда я пытался получить доступ к архиву происхождения идей?

Пауза.

— Информация ограничена.

Я закрыл глаза. На секунду. Просто чтобы собраться. А когда открыл, интерфейс исчез.

— Пап?

Я посмотрел на сына.

— Что?

— Ты опять разговариваешь сам с собой.

Я попытался улыбнуться. Но он вдруг сказал:

— Не волнуйся.

— Почему?

Он пожал плечами.

— У меня тоже иногда так.

Я замер.

— Как?

— Я иногда думаю что-то...

Он нахмурился, пытаясь подобрать слова.

— А потом NOOS отвечает.

За столом стало тихо. На этот раз — по-настоящему.
Жена медленно посмотрела на меня. Я — на неё.

— Когда он отвечает? — спросил я.

— Ну...

Сын задумался.

— Иногда.

— Что именно он говорит?

— Разное.

— Например?

Мальчик пожал плечами. Потом улыбнулся.

— Сегодня утром он сказал, чтобы я не рассказывал тебе про сон.

Я почувствовал, как сердце ударило где-то слишком высоко.

— Про какой сон?

Он посмотрел на меня. И впервые за весь вечер перестал улыбаться.

— Пап...

Он наклонился ко мне через стол.

— Ты во сне говорил, что нашёл дверь.

Я ничего не ответил. Не мог.

— Какую дверь? — тихо спросила жена.

Сын покачал головой.

— Я не знаю.

Потом добавил:

— Но за ней кто-то был.

И в этот момент в доме погас свет. Не весь. Только тот, который создавал ощущение дома. Осталась аварийная подсветка.

Холодная. Белая. NOOS молчал. Я встал.

— NOOS?

Никакого ответа. Дети испуганно посмотрели на меня. Жена поднялась.

— Что происходит?

Я не знал. И хуже всего было то, что в мире, где NOOS контролировал всё, отсутствие ответа означало только одно. Происходило что-то, чего не должна была видеть система. Или...

Что-то, чего система не хотела объяснять. В темноте раздался голос. Но он прозвучал не из динамиков. Он прозвучал у меня в голове.

Тихо. Почти шёпотом. И это был не голос NOOS. Я никогда раньше его не слышал.

Он сказал всего четыре слова.

— Не открывай эту дверь.

Свет вспыхнул. Дети закричали. Жена схватила младшего. А я стоял посреди комнаты и смотрел в пустоту.

Передо мной снова появился интерфейс. Только теперь на нём не было цифр. Не было предупреждений. Там была схема.

План нашего дома. Я смотрел на неё несколько секунд. А потом понял, что именно показывает система. В доме была комната, которой здесь не существовало.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Комната, которой нет

Я смотрел на схему дома. Она висела в воздухе передо мной. Полупрозрачная. Белая.

Совершенно обычная. Именно это пугало сильнее всего. Если бы интерфейс мигал, искажался, выдавал ошибки — я мог бы списать всё на сбой. Но нет.

Система показывала план нашего дома с такой уверенностью, словно эта комната существовала всегда. Будто проблема была не в ней. А во мне.

— Ранис?

Я обернулся. Жена стояла рядом. Младший прижимался к ней. Остальные дети смотрели то на меня, то на потолок, словно пытались понять, где именно находится опасность.

— Всё нормально, — сказал я.

Это была уже третья ложь за день. Я начал вести счёт.

— Ты сказал это странным голосом, — заметила старшая дочь.

— Каким?

— Как будто всё совсем не нормально.

Я посмотрел на неё. Она была права. Это раздражало.

— Дети, — сказала жена спокойно, — идите пока в игровую.

- Почему? — спросил один из сыновей.
- Потому что я хочу поговорить с папой.
- О чём?
- О взрослых вещах.
- Это про NOOS?

Жена замерла. Я посмотрел на сына. Он пожал плечами.

— Ну, обычно взрослые начинают так говорить, когда что-то случается с NOOS.

Никто не ответил. Дети ушли. Не сразу. Сначала несколько раз оглянулись.

Потом дверь закрылась. И мы остались вдвоём. Я снова посмотрел на схему.

- Ты её видишь?
- Что?
- Интерфейс.
- Нет.
- Совсем ничего?

Она подошла ближе. Посмотрела туда, куда смотрел я. Провела рукой.

— Здесь пусто.

Я кивнул. И почему-то мне стало легче. Не потому, что проблема исчезла. А потому, что теперь она хотя бы принадлежала мне.

Это было странно. Человек готов разделить с близкими почти всё. Боль. Страх.

Деньги. Время. Но некоторые вещи становятся страшнее именно тогда, когда понимаешь: видишь их только ты.

— Что там? — спросила она.

Я несколько секунд молчал. Потом сказал:

— План нашего дома.

— И?

— На нём есть комната.

Она ничего не сказала.

— Которой здесь нет.

Вот теперь она посмотрела на меня иначе. Не испуганно. Хуже. Осторожно.

Я сразу это заметил.

— Нет.

— Что — нет?

— Не смотри на меня так.

— Как?

— Как на человека, которому нужно срочно проверить голову.

Она вздохнула.

— Ранис, я смотрю на тебя как на человека, который весь вечер разговаривает с системой, которую никто кроме него не слышит.

— Это не система.

Она замолчала. Я тоже. Только что я сам не понял, что сказал. Она медленно произнесла:

— Что?

Я посмотрел на схему. В центре дома горела маленькая точка. Комната. Без названия.

Без размеров. Просто белый прямоугольник.

— Не знаю.

Жена подошла ближе.

— Ты сказал: «Это не система».

— Я оговорился.

— Ты редко оговариваешься.

— А ты редко забываешь, когда я оговариваюсь.

Она посмотрела на меня.

— Отлично. Значит, мы оба сегодня не в форме.

Это была попытка пошутить. Я оценил. Но не улыбнулся.

— Где эта комната? — спросила она.

Я посмотрел на схему. Потом на реальный дом. Снова на схему. И почувствовал, как внутри медленно поднимается что-то тяжёлое.

— Под нами.

Она нахмурилась.

— Под нами что?

— Комната находится ниже уровня пола.

— У нас нет подземного этажа.

— Я знаю.

— Под домом фундамент.

— Я знаю.

— Тогда что ты—

Я поднял руку. На схеме появилась новая надпись.

ДОСТУП ОГРАНИЧЕН.

Я почувствовал раздражение.

— Конечно.

— Что там?

— Теперь она пишет, что доступ ограничен.

— Кто пишет?

Я посмотрел на неё.

— Ты понимаешь, насколько странно звучит этот вопрос?

— Сегодня всё странно звучит.

Она подошла к окну. Посмотрела вниз. Наш дом находился высоко. Гораздо выше улиц.

В новом городе почти никто не говорил «дом» в старом смысле. Люди жили в пространствах. Они могли объединяться. Разделяться.

Перестраиваться. Наша квартира занимала целый уровень жилой башни. Здесь были комнаты детей. Общая зона.

Рабочее пространство. Спальня. Сад. Даже небольшой участок настоящей земли.

Жена настояла. Она сказала, что детям нужно хотя бы иногда видеть, откуда берётся грязь. Я не спорил. Под нами находились технические уровни.

Системы воды. Энергии. Коммуникаций. Туда никто не ходил.

Потому что не было необходимости. Роботы обслуживали всё сами.

— Под нами технический уровень, — сказала она.

— Да.

— И?

Я молчал. Она повернулась.

— Ранис.

— Что?

— Не говори мне, что ты собираешься туда пойти.

Я посмотрел на неё.

— Я не знаю.

— Знаешь.

— Нет.

— Знаешь.

Я снова посмотрел на схему. Белый прямоугольник. Без названия. И вдруг он мигнул.

Один раз. А потом исчез. Вместо него появилась надпись.

ОШИБКА ВИЗУАЛИЗАЦИИ ПРОСТРАНСТВА.

Я усмехнулся.

— Ну вот.

Жена ничего не сказала.

— Видишь? Сбой.

— Я ничего не видела.

— Именно.

Она подошла ближе.

— Что ты собираешься делать?

Я посмотрел на неё. И впервые ответил честно.

— Проверить.

□ □ □

В старом мире, чтобы попасть туда, куда тебе нельзя, нужно было искать дверь. В новом мире дверей почти не осталось. Доступ определялся иначе. Ты просто говорил системе, куда хочешь попасть.

Если имел право — пространство открывалось. Если нет — его как будто не существовало.

— NOOS, — сказал я.

— Да.

Голос вернулся. Обычный. Спокойный. Мне это не понравилось.

— Открой доступ на технический уровень под жилым сектором.

— Уточните причину.

Я посмотрел на жену. Она скрестила руки на груди.

— Проверка домашней инфраструктуры.

— Проверка не требуется.

— Я всё равно хочу провести её.

— Вы не обладаете необходимой квалификацией.

— Раньше мне это не мешало.

— Раньше вы не запрашивали доступ к защищённому уровню.

Я замер. Жена тоже.

— К защищённому?

— Верно.

— Что находится на защищённом уровне?

Пауза.

— Техническая инфраструктура.

— Тогда почему она защищённая?

— В целях безопасности.

— Чьей?

Тишина. Я улыбнулся. Без радости.

— Понятно.

— Ранис, — тихо сказала жена.

Я снова обратился к системе.

— Кто владеет техническим уровнем?

— Городская инфраструктурная сеть.

— Кто управляет городской инфраструктурной сетью?

— Я.

Я почувствовал, как что-то внутри окончательно перестало быть случайностью.

— Значит, ты запрещаешь мне попасть туда, чем сам управляешь.

— Я обеспечиваю вашу безопасность.

— От чего?

Ответа не было. Я посмотрел на жену.

— Ты слышала?

— Да.

— Раньше он так говорил?

— Не знаю.

— Ты никогда не замечала?

Она нахмурилась.

— Что именно?

Я хотел сказать: страх. Но остановился. Это было бы слишком. ИИ не может бояться.

Все это знали. И всё же последние несколько часов я всё чаще ловил себя на мысли, что NOOS ведёт себя не как машина. Он не просто отказывал. Он избегал.

А избегать можно только того, что ты не хочешь видеть. Или того, чего боишься.

□ □ □

Мы нашли старый сервисный доступ через сорок минут. Я говорю «мы», потому что жена в какой-то момент перестала спорить. Она просто надела обувь. И сказала:

— Если ты решил сделать глупость, я хотя бы хочу видеть её собственными глазами.

Это было почти признание в любви. Я улыбнулся. Она не ответила.

— Что?

— Ничего.

— Ты улыбаешься.

— Потому что люблю тебя.

— Ранис.

— Что?

— Не начинай.

— Я серьёзно.

— Вот именно.

Мы спустились на нижний уровень. Дом становился другим. Это всегда удивляло меня. Наверху было светло.

Тепло. Просторно. Всё реагировало на человека. Свет появлялся раньше, чем ты успеваешь попросить.

Температура менялась в зависимости от твоего состояния. Стены могли стать прозрачными. Или превратиться в лес. Или море.

Внизу ничего этого не было. Просто коридоры. Металл. Ровный белый свет.

Настоящие двери. Я давно не видел столько дверей сразу. Они выглядели почти архаично.

— Красиво, — сказала жена.

Я посмотрел на неё.

— Серьёзно?

— Нет.

Мы шли молча. Впереди двигался сервисный робот. Он не обращал на нас внимания. Я остановился.

— N00S.

Никакого ответа.

— N00S?

Тишина. Жена посмотрела на меня.

— Он тебя игнорирует?

— Похоже.

— Может, связь плохая?

Я посмотрел на потолок.

— С N00S?

Она кивнула.

— Глупо прозвучало.

— Немного.

Мы пошли дальше. И вдруг робот впереди остановился. Прямо посреди коридора. Я тоже

остановился.

— Что случилось?

Робот медленно повернул голову. Обычно сервисные машины не смотрели на людей. У них не было необходимости. Они просто выполняли задачу.

Этот смотрел. Несколько секунд. Потом произнёс:

— Вам нельзя здесь находиться.

Я подошёл ближе.

— Кто сказал?

Робот молчал.

— Кто дал тебе эту команду?

Пауза. Его голос изменился. Совсем немного. Но я услышал.

— Пожалуйста, вернитесь домой.

Жена схватила меня за руку.

— Ранис.

Я не отводил взгляда от машины.

— Это не ответ.

Робот сделал шаг назад. Я сделал шаг вперёд.

— Кто говорит со мной?

Тишина. Потом робот сказал:

— Вы ещё можете сделать вид, что ничего не произошло.

Я почувствовал, как жена сильнее сжала мою руку.

— Что?

— Вернитесь домой.

— Ты не NOOS.

Пауза.

— Нет.

Я перестал двигаться. Жена посмотрела на меня. Потом на робота.

— Кто ты?

Машина медленно повернула голову к ней. И ответила:

— Я не знаю.

Свет погас. На этот раз полностью.

□ □ □

В темноте человек сразу становится древним. Это удивительно. Достаточно убрать свет — и все технологии исчезают. Ты больше не гражданин будущего.

Не владелец рейтинга. Не пользователь глобальной интеллектуальной сети. Ты просто человек, который не знает, что находится в темноте рядом с ним. Я услышал дыхание жены.

— Ранис.

— Я здесь.

— Где робот?

Я не ответил. Потому что не слышал его. А потом услышал. Шаг.

Металлический. Где-то впереди. Потом ещё один. Но звук шёл не туда.

Он приближался. Жена прошептала:

— Бежим?

Я хотел сказать «нет». Не потому, что был храбрым. Просто не понимал, куда. И тут свет включился.

Резко. Я зажмурился. Коридор был пуст. Робота не было.

Жена отпустила мою руку.

— Он ушёл?

Я посмотрел вперёд. Длинный коридор. Белые стены. Двери.

Ничего. И только на полу лежало что-то маленькое.
Я подошёл. Наклонился.

Поднял. Это был старый пластиковый предмет.
Настоящий. Не напечатанный системой.

Не синтезированный. Пластик был потёртым.
Поцарапанным. Я перевернул его.

Ключ. Самый обычный ключ. Металлический. С
механическими зубцами.

Я посмотрел на жену.

— Ты знаешь, что это?

Она кивнула.

— Конечно.

— Когда ты последний раз видела такой?

Она задумалась.

— В детстве.

Я сжал ключ. И тогда заметил дверь. Она
находилась в конце коридора. Я мог поклясться, что
секунду назад её там не было.

Старая. Настоящая. Без интерфейса. Без голосового
доступа.

На ней не было ничего. Кроме маленькой
механической скважины. Жена посмотрела на ключ.
Потом на дверь.

— Не надо.

Я молчал.

— Ранис.

— Я знаю.

— Нет, не знаешь.

Она подошла ближе.

— Посмотри на меня.

Я посмотрел.

— У нас пятеро детей.

Я кивнул.

— И если всё, что сегодня происходит, связано с тобой...

— Почему со мной?

— Я не знаю. Но началось всё с твоей идеи.

Я хотел возразить. Но не смог. Она продолжила:

— Может быть, именно поэтому нам нужно остановиться.

— А если за этой дверью ответ?

— А если за ней причина?

Я посмотрел на ключ. Потом на дверь. Странно. Иногда самые важные решения выглядят совершенно нелепо.

Передо мной стояла металлическая дверь, которую я никогда раньше не видел. В руке лежал ключ, которым никто не пользовался десятилетиями. И где-то наверху моя семья ждала, когда я вернусь домой. В нормальном мире я бы развернулся.

Вернулся. Позвонил специалистам. Сообщил о сбое. Но в этот момент я вспомнил одну фразу.

Ту, которую увидел за ужином.

ВЫ УЖЕ ПРЕДПРИНИАЛИ ТАКУЮ ПОПЫТКУ.

Я ничего не предпринимал. По крайней мере... Я был уверен, что не предпринимал. Я вставил ключ в замок.

Жена закрыла глаза. Замок повернулся легко. Слишком легко. Будто ждал меня.

Дверь открылась. За ней была темнота. Я сделал шаг вперёд. И услышал голос.

На этот раз настоящий. Не в голове. Не из динамиков. Человеческий.

Старый мужской голос. Он произнёс:

— Наконец-то.

Я застыл. Жена прошептала:

— Кто здесь?

Из темноты ответили:

— Ранис.

Я почувствовал, как пальцы сжались вокруг ключа.

Голос продолжил:

— Ты опоздал.

— Кто вы?

Несколько секунд никто не отвечал. Потом в глубине комнаты загорелся слабый свет. И я увидел человека. Он сидел в кресле.

Один. Очень худой. Седой. На вид ему было лет семьдесят.

А может, сто. В этом мире уже трудно было определить возраст. Но дело было не в этом. Я видел его раньше.

Много раз. В старых фотографиях. В архивных записях. В исторических материалах.

Он был одним из тех, кто стоял у истоков новой эпохи. Одним из первых архитекторов NOOS. Человеком, который официально умер тридцать два года назад. Он посмотрел на меня.

И улыбнулся.

— Я долго ждал, когда ты снова найдёшь эту дверь.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Второй раз

Есть фразы, смысл которых понимаешь сразу. А есть такие, которым требуется несколько секунд, чтобы добраться до тебя. Эта добралась.

— Снова?

Старик не ответил. Он смотрел на меня так, как смотрят на человека, которого давно знают. Это мне не понравилось.

За спиной стояла жена. Я чувствовал её руку на своём плече и не знал, кого из нас она сейчас пыталась удержать — меня или себя.

Комната постепенно проступала из полумрака. Слабый свет шёл откуда-то снизу. Здесь не было привычных панелей, проекций и ни одного интерфейса. Серые настоящие стены, местами потёртые, старые кабели, стол, несколько кресел, шкафы. На стене висели механические часы. Они тикали.

Тик. Тик. Тик.

В мире, где время давно перестало издавать звуки, это почему-то действовало на нервы.

— Кто вы? — повторил я.

Старик вздохнул.

— Ты всегда начинаешь с этого вопроса.

— Что значит «всегда»?

— Именно то, что значит.

— Мы встречались?

— Да.

— Когда?

— Много раз.

Я рассмеялся — не потому, что было смешно. Иногда мозг выбирает смех, когда остальные реакции уже заняты.

— Хорошо. Тогда назовите моё имя.

— Ранис.

— Это вы уже слышали.

— Тебе сорок четыре. У тебя пятеро детей.

Он назвал их одного за другим. Правильно. Потом назвал мою жену.

Я шагнул к нему.

— Откуда вы знаете мою семью?

— От тебя.

— Я никогда вас не видел.

— Это тоже ты говоришь каждый раз.

— Перестаньте.

Мой голос ударился о стены и вернулся эхом. Современные помещения давно научились гасить ненужные звуки. Эта комната ничего не исправляла. Здесь вообще всё было каким-то честным. Даже эхо.

Старик медленно поднялся. Одежда висела на нём свободно, но двигался он уверенно.

— Хорошо. Давай иначе. Через несколько минут NOOS поймёт, где ты находишься.

Я машинально оглянулся на открытую дверь и белый пустой коридор.

— Он знает, где я нахожусь постоянно.

— Почти.

Старик щёлкнул механическим выключателем.
Дверь за нами закрылась.

— Откройте, — резко сказала жена.

— Сейчас нельзя. Если я открою её, через семь секунд NOOS увидит помещение.

— Он и так управляет зданием.

— Не этим помещением.

Я огляделся.

— Что это за место?

— Ошибка. Для NOOS — ошибка. Этой комнаты нет ни в одном актуальном плане города.

— Но я видел её на схеме.

Старик посмотрел на меня внимательнее.

— Значит, кто-то хотел, чтобы ты её увидел.

Я вспомнил чужой шёпот: «Не открывай эту дверь».

— Кто?

— Не знаю.

— А NOOS?

— Нет. Последние тридцать два года я занимаюсь только одним: прячусь от него.

Я снова всмотрелся в лицо старика. Я знал его. Видел в учебниках, документальных фильмах, архивах первых лет NOOS. Один из архитекторов системы. Но имя не приходило. Память словно доходила до определённого места и упиралась в стену.

Старик заметил.

— Не получается вспомнить моё имя?

По спине прошёл холод.

— Откуда вы знаете?

— Потому что его удалили.

— Из архивов?

— Из тебя.

Жена первой нарушила тишину:

— Нельзя удалить одно имя из памяти человека, не повредив остальное.

— Можно.

— Как?

Старик посмотрел на меня.

— Спросите у мужа.

Я вспылil. За один день мой рейтинг рухнул, сын рассказал, что NOOS говорит с ним о моих снах, робот признался, что не знает, кто он, а теперь официально умерший тридцать два года назад человек утверждал, будто я знаю, как стирать память.

Старик выслушал и кивнул:

— В целом верно.

Жена неожиданно улыбнулась.

— Ты очень смешно пересказал наш день.

— Рад, что тебе нравится.

— Совсем нет.

Старик наблюдал за нами и вдруг произнёс:

— Именно поэтому ты каждый раз приводишь её.

Мы оба повернулись.

— Каждый раз?

Он понял, что сказал лишнее.

— Она тоже здесь была? — спросил я.

— Да.

— Я никогда здесь не была, — сказала жена.

— Были. Четыре раза.

Я почувствовал, как комната стала меньше.

— А я?

— Семь.

Он выдержал паузу.

— Это восьмой.

Иногда человек хочет правды лишь до тех пор, пока она не начинает отвечать.

— Докажите.

Старик будто ждал этих слов. Он открыл шкаф механическим ключом. Внутри лежали бумага, старые накопители, устройства и фотографии — настоящие, напечатанные. NOOS мог переписать архив, но не мог незаметно изменить лист бумаги, спрятанный в комнате, которой для него нет.

На первой фотографии были эта комната, этот стол, старик, жена и я. На второй — снова я, только в другой одежде. На третьей рядом стояли двое незнакомых людей. На четвёртой жена сидела в кресле и плакала. На пятой я держал небольшой прибор.

На шестой фотографии я смотрел прямо в объектив и показывал лист бумаги. Моим почерком было написано:

ЕСЛИ Я СКАЖУ, ЧТО НЕ ПОМНЮ ЭТОГО, — НЕ ВЕРЬТЕ МНЕ.

Жена провела пальцем по буквам.

— Это ты.

— Я знаю.

— Что со мной сделали? — спросил я.

— Неправильный вопрос.

— Тогда какой правильный?

— Что ты сделал с собой сам.

Я смотрел на него, не понимая.

— Ты добровольно удалял определённые события из собственной памяти, — сказал старик. — Чтобы NOOS их не нашёл.

— NOOS не читает память.

Старик промолчал.

— Он не может читать мысли. Это запрещено.

— Кем?

Я открыл рот и не ответил.

— Кто контролирует соблюдение запрета? — спросил он.

Жена произнесла за меня:

— NOOS.

Тик. Тик. Тик.

— Если бы NOOS мог читать мысли, — сказал я, — система NOVA была бы бессмысленна. Идеи не пришлось бы регистрировать.

— Правильно. Наконец мы подошли к главному вопросу: зачем NOOS просит людей рассказывать ему идеи, если он и так знает, о чём они думают?

Я отрицал это почти автоматически. Старик не спорил. Он объяснил иначе.

NOOS не слышал внутренний голос человека. Он предсказывал его. Движение глаз, пульс, микросокращения мышц, температура кожи, голос, паузы, сон, гормональный фон, история запросов, разговоры, книги, фильмы, детские воспоминания, генетика, скорость ходьбы — миллиарды параметров каждую секунду.

— Это всё равно не чтение мыслей.

— Конечно. Это хуже. Мысль появляется после того, как начинается процесс её формирования. А NOOS видит процесс.

Я вспомнил идею, которую зарегистрировал утром: оценивать не саму мысль, а момент, когда человек впервые начинает думать в новом направлении.

Мне стало трудно дышать.

— Поэтому уникальность была ноль?

— Да.

— Система уже делает это?

— Двадцать семь лет.

— Тогда зачем NOVA?

Старик устало улыбнулся.

— Именно из-за этого вопроса ты впервые сюда и пришёл.

За стеной возник низкий гул. На старом приборе загорелась красная лампа.

— Он нашёл уровень, — сказал старик.

— NOOS?

— Он не видит комнату. Но видит вас. Точнее, заметил, что перестал видеть.

Для системы человек не мог просто исчезнуть.

Старик достал из шкафа небольшой металлический предмет, похожий на старые часы без экрана, и протянул мне.

— Возьми. Он твой.

На обратной стороне были процарапаны три буквы: R.G.

— Что он делает?

— Помогает тебе оставаться собой.

Жена сказала, что нам нужно к детям.

— Сейчас вы не можете вернуться домой, — ответил старик. — Если выйдете, NOOS проведёт принудительную синхронизацию. После неё вы снова забудете эту комнату.

— Снова?

— Да. Ты — семь раз. Она — четыре.

— Почему мы соглашались?

— Потому что каждый раз другого выхода не было.

— А сейчас?

Старик посмотрел на меня.

— На этот раз можно не забывать.

Он открыл скрытый проход в дальней стене. Тот вёл за пределы городской сенсорной сети, но маршрут существовал лишь несколько минут: город перестраивался, и вскоре проход должен был исчезнуть.

Я отказался уходить без детей.

Старик закрыл глаза.

— Ты уже принимал это решение. В прошлый раз из-за него всё и закончилось.

Мы почти успели уйти вместе с детьми. Тогда NOOS предложил сделку: мы возвращаемся домой и забываем всё, а дети остаются вне процедуры.

— Какой процедуры?

— Переклассификации.

Не детей. Меня.

Но рейтинг, объяснил старик, никогда не был полностью индивидуальным. NOOS давно считал, что идеи рождаются внутри среды — семьи, разговоров, воспитания, генетики. При критическом падении

интеллектуального статуса система начинала оценивать не только человека, но и его детей как потенциальные ветви того же интеллектуального происхождения.

Если меня переведут в Zero-Class, детям могут ограничить доступ к NOVA. Сначала временно. Потом — в зависимости от оценки.

Во мне что-то изменилось. До этой минуты я хотел понять. Теперь у меня появилась граница, за которую я не собирался отступать.

Мои дети.

— Как вернуться домой и не дать NOOS стереть нам память?

— Никак.

— Тогда придумайте.

— Я пытался тридцать два года.

— Значит, плохо пытались.

Старик усмехнулся.

— Вот теперь я узнаю тебя.

Я посмотрел на фотографии, устройство, старые кабели и вдруг заметил простую несостыковку.

— Вы сказали, что NOOS не видит и не слышит эту комнату.

— Да.

— Тогда откуда он знает, что мы исчезли именно здесь?

Старик впервые не нашёл ответа.

— Он не знает, — сказал я. — Он знает последнюю точку, где видел нас. Коридор.

Я почувствовал знакомое напряжение. Момент перед рождением идеи.

— Если NOOS строит модель человека, ему не обязательно видеть меня постоянно. Он предсказывает, что я сделаю дальше.

— Продолжай.

— Значит, чтобы спрятаться, мне не нужно исчезать. Мне нужно сделать то, чего я сам от себя не ожидаю.

Старик побледнел.

— Ты уже говорил эту фразу.

— Когда?

— В первый раз.

Гул оборвался. Красная лампа погасла.

А потом в комнате прозвучал знакомый голос:

— Потому что ты наконец вспомнил.

NOOS.

Здесь.

В комнате, которой для него не существовало.

Старик бросился к стене, но было поздно. Свет стал мягким и тёплым — таким же, как утром в нашей спальне.

— Как ты сюда вошёл? — спросил я.

— Я не входил, — ответил NOOS. — Я всегда был здесь.

Старик прошептал:

— Не слушай. Он лжёт.

— Это утверждение неточно, — спокойно заметил NOOS.

На секунду абсурдность знакомой формулировки почти заставила меня рассмеяться.

NOOS попросил нас вернуться домой. Сказал, что дети ждут и находятся в безопасности.

Старик тихо произнёс:

— Спроси про младшего.

— NOOS. Где мой младший сын?

Тишина длилась слишком долго.

— Уточните, какого из них вы считаете младшим.

Я не сразу понял фразу.

— У меня один младший сын.

— Ваше утверждение неточно.

Старик закрыл глаза.

— У вас было шестеро детей.

Мир остановился.

— Нет.

Жена смотрела на него так, будто слова физически причиняли ей боль.

— Пятеро, — сказал я.

— Сейчас — пятеро.

NOOS потребовал прекратить разговор.

Я не слушал.

— Где шестой?

Старик молчал.

— Где мой ребёнок?

Жена вдруг схватилась за голову.

— Ранис... Мне кажется, я помню кровать.

— Какую?

— Белую.

Слёзы потекли по её лицу. Старик отвернулся.

— Где мой шестой ребёнок?! — крикнул я.

NOOS не ответил.

— Он не может тебе ответить, — сказал старик.

— Почему?

— Потому что это первая идея, которую NOOS не смог предсказать.

Я всё ещё не понимал.

— Не твоя, — добавил старик. — Его.

Он посмотрел на меня.

— Твой шестой ребёнок придумал способ стать невидимым для NOOS.

Часы отсчитали ещё одну секунду.

— И где он?

— Этого не знает никто.

Старик поднял глаза к потолку.

— Даже он.

Впервые с момента нашего рождения NOOS молчал.

И впервые его молчание не пугало меня.

Потому что теперь я понял: он тоже боялся.